

УДК 94(47).08

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-3-674-688

EDN MLSZGX

Оригинальное исследование

Деятельность органов городского самоуправления по содержанию и развитию городской инфраструктуры в уездных центрах Курской губернии в конце XIX – начале XX в.

Кузнецов В.В.

Воронежский институт Министерства внутренних дел России,
Россия, 394065, г. Воронеж, просп. Патриотов, 53
E-mail: vvk.vspu@vandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность органов самоуправления уездных городов Курской губернии по содержанию и развитию городской инфраструктуры в конце XIX – начале XX вв. Обобщается законодательная и разъяснительная работа правительства и губернского аппарата, правотворческая и управленческая практика городского самоуправления в исследуемой сфере. Анализируются механизмы и результаты благоустройства городских территорий общественного пользования. Определяются функции городских дум и управ по развитию транспортной инфраструктуры. Характеризуется состояние коммунальной благоустроенностии населения и организация культурно-досуговой среды. Выявляются полномочия уездных городов в архитектурно-строительной сфере. Формулируются выводы относительно эффективности и специфики деятельности самоуправления по формированию материальной базы городского хозяйства и её содержанию.

Ключевые слова: местное самоуправление, городская дума, городская управа, уездные города, Курская губерния, благоустройство городов, городская инфраструктура

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Кузнецов В.В. 2025. Деятельность органов городского самоуправления по содержанию и развитию городской инфраструктуры в уездных центрах Курской губернии в конце XIX – начале XX в. *Via in tempore. История. Политология.* 52(3): 674–688. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-674-688. EDN: MLSZGX

The Activities of City Self-Government Bodies for the Maintenance and Development of Urban Infrastructure in the County Centers of Kursk Province in the Late 19th – Early 20th Century

Vadim V. Kuznetsov

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
53 Patriotov Ave., Voronezh 394065, Russia
E-mail: vvk.vspu@vandex.ru

Abstract. The article examines the activities of the self-government bodies of the county towns in Kursk province aimed at the maintenance and development of urban infrastructure in the late 19th – early 20th centuries. It summarizes the legislative and explanatory work of the government and the provincial apparatus, the law-making and managerial practice of urban self-government in the field under study. The mechanisms and results of the improvement of urban areas of public use are analyzed. The functions of city councils and departments for the development of transport infrastructure are defined. The author characterizes the state of public utilities and the specifics of organizing cultural and leisure environment. The powers of county towns

in the architectural and construction sphere are revealed. The study allows making conclusions regarding the effectiveness and specifics of self-government bodies' activities in establishing and maintaining the material base of the urban economy.

Keywords: local government, city Duma, city councils, county towns, Kursk province, urban improvement, urban infrastructure

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Kuznetsov V.V. 2025. The Activities of City Self-Government Bodies for the Maintenance and Development of Urban Infrastructure in the County Centers of Kursk Province in the Late 19th – Early 20th Century. *Via in tempore. History and political science.* 52(3): 674–688 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-674-688. EDN: MLSZGX

Введение

Программной целью деятельности городского самоуправления, изложенной в Городовом положении 1870 г., была организация городского хозяйства посредством реализации трех взаимосвязанных направлений. Во-первых, «внешнее благоустройство города», то есть планирование и содержание городского пространства, устройство дорожно-транспортной и коммунальной инфраструктур, учет экологических аспектов в ходе проведения указанных мероприятий. Во-вторых, обеспечение «благосостояния городского населения»: организация здравоохранения, противопожарных мероприятий, страхования, промышленного производства и промыслов, торговли, снабжения, кредитно-финансовых услуг. В-третьих, устройство учебных и благотворительных заведений, больниц, театров, библиотек, музеев и прочих социально-культурных учреждений [Высочайше утвержденное..., 1870. с. 5, 6]. Объединяющим началом данных функций было формирование материальной базы городского хозяйства, отвечающей потребностям населения и законодательным нормам, другими словами, городской инфраструктуры.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является деятельность органов городского самоуправления уездных центров Курской губернии по содержанию и развитию городской инфраструктуры в конце XIX – начале XX вв.

Методологическую основу исследования составили общенаучный метод анализа, статистический метод, системный подход, а также принципы объективности и историзма.

Источниковая база исследования представлена материалами фондов Государственного архива Курской области: Ф. 1589 «Курское губернское по городским делам присутствие»; Ф. 54 «Курское губернское по земским и городским делам присутствие»; Ф. 228 «Обоянская городская дума»; Ф. 302 «Рыльская городская управа»; Ф. 377 «Суджанское городское общественное управление». Статистические выкладки подготовлены на основе опубликованных материалов Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи. Нормативные механизмы определены в соответствии с высочайше утвержденными Городовыми положениями 1870 г. и 1892 г., уставами и разъяснениями правительства.

Различные аспекты хозяйствования в городах Курской губернии рассматривались в работах А.А. Терещенко [Терещенко, 2021], М.А. Сергиенко [Сергиенко, 2008; Сергиенко, 2011], А.Д. Сидорова [Сидоров, 2009; Сидоров, 2009]. При этом авторы уделяли внимание либо отдельным направлениям развития городской инфраструктуры, либо осуществляли обобщённый анализ деятельности по благоустройству городов, которая дополнительно включала развитие образовательных учреждений, санитарный и ветеринарный надзор, противоэпидемическую деятельность, организацию пожарной безопасности и т. п. Наряду с уездными городами анализировался опыт хозяйствования в губернском Курске. Таким

образом, оставалась не уточненной специфика развития городской инфраструктуры уездных центров. Научная новизна работы определяется также введением в научный оборот новых архивных документов.

Результаты и их обсуждение

Полномочия городских дум и управ по развитию местной инфраструктуры в общих чертах регламентировались в Городовом положении, в соответствии с которым им предоставлялось право изменять планы городов по согласованию с губернатором или Министерством внутренних дел (далее – МВД), утверждать проекты зданий и следить за верностью их технического исполнения, разрешать устройство промышленных, торговых, социальных, культурных заведений, а также возможность локального правотворчества в форме обязательных постановлений по вопросам содержания городского пространства общественного пользования, муниципального и частного имущества, путей сообщения [Высочайше утвержденное..., 1870. С. 93, 94, 97, 98].

Фрагментарный характер норм Городового положения, регулировавших существенную часть функций в сфере городского хозяйствования, был обоснован действующими узаконениями, в основном уставами, к которым городские думы и управы должны были обращаться. Впрочем, умелое использование законов требовало от должностных лиц на местах соответствующей квалификации, поэтому в целях адаптации и систематизации норм, регулировавших вопросы хозяйственного ведения, 26 апреля 1871 г. было высочайше утверждено мнение Государственного совета, на основе которого МВД подготовило Временные правила по предметам городского благоустройства, действовавшие повсеместно, где вводилось Городовое положение, до момента издания в городах собственных обязательных постановлений [Правительственный вестник. 1871. № 133]. Документ включал статьи различных законов, а также структурировал основные направления хозяйственной деятельности городов по группам и подробно пояснял механизмы реализации соответствующих функций.

Многие нормы, касавшиеся благоустройства городов, всё же оставались за пределами специализированного городского законодательства и требовали адресного обращения, например, к Уставу о промышленности, Положению о трактирном промысле, Уставу питейному и другим источникам. Существенный вклад в толкование Городового положения вносили циркуляры с подробными разъяснениями МВД по наиболее актуальным вопросам и решения Правительствующего сената.

Выработка городскими думами собственных обязательных постановлений, учитывавших образец, предоставленный МВД, законодательство, правительственные рекомендации, местные особенности и потребности, оказалась трудоемким и длительным процессом. Например, 24 марта 1876 г. Губернское по городским делам присутствие, рассмотрев обязательное постановление по вопросам городского благоустройства, утвержденное Обоянской городской думой 2 марта 1876 г., признало его неудовлетворительным из-за неопределенности и неточности формулировок и отменило решение гласных⁸⁴. В новой редакции постановление Обояни присутствие рассмотрело 31 марта 1879 г. и определило вернуть его в городскую управу для исправления с учетом данных рекомендаций⁸⁵. Впоследствии документ был согласован, но в 1885 г. городская дума снова обсуждала проект постановления по городскому благоустройству, желая дополнить имевшийся текст⁸⁶. Правотворческая практика других уездных городов губернии проходила в аналогичном порядке. Таким образом, обобщение законодательства, разъяснительная работа правительства и губернского аппарата, правотворческая и управленческая практика

⁸⁴ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 1589. Оп. 1. Д. 6. Л. 45–47.

⁸⁵ ГАКО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 8. Л. 42.

⁸⁶ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 802. Л. 3, 11.

городского самоуправления по ключевым вопросам формировались вплоть до принятия нового Городового положения 1892 г. К этому моменту сложилась база, необходимая для структурного определения деятельности по содержанию и развитию городской инфраструктуры.

Универсальным направлением хозяйственной деятельности всех городов являлось благоустройство пространства общего пользования: осушение и мощение улиц и площадей, устройство тротуаров, а также регулирование порядка их содержания и использования. Значимость данного направления наглядно иллюстрируется в письме обоянского уездного исправника городской управе от 8 октября 1891 г., в котором он просил внести на рассмотрение городской думы вопрос о благоустройстве Тимской улицы и Монастырской набережной. Как сообщал исправник, Монастырская набережная напротив домов Зябкина, Попова, Афанасьева и других весной и осенью «изображает собой непроходимое болото, которое нечасто можно встретить и в глухих деревнях», а также напомнил, что в этом болоте неоднократно опрокидывались экипажи вместе с седоками, к тому же на улице располагались пожарный обоз, городская управа, прогимназия, почтово-телеграфная контора, – объекты, сообщение с которыми было необходимо⁸⁷. Вместе с тем характерной проблемой городов, препятствующей созданию комфортного уличного пространства, была скучная наполняемость местных бюджетов. В этой связи решением Правительствующего сената № 2311 от 15 марта 1882 г. думам предоставлялось право возлагать расходы по содержанию в исправности улиц на домовладельцев при условии издания обязательного постановления. Исключение из правила составляли городские площади, содержание которых решением сената № 3224 от 12 сентября 1873 г. было отнесено к обязанностям муниципалитетов [Городовое положение 11 июня 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственные разъяснениями, 1894, с. 210].

Технические требования к устройству улиц и площадей регламентировались в статьях Устава строительного и имели свое отражение во Временных правилах. Так, для осушения улиц по обеим сторонам прорывались канавы, укрепленные камнем, плитой, кирпичом, в крайнем случае – досками или плетнем. Мостовые в городах разрешалось строить только из камня с предварительной подготовкой поверхности тремя способами в зависимости от наличия в конкретной местности тех или иных материалов. Со стороны канав допускались пешеходные тротуары, обложенные плахами, закрепленными кольями или плетнем [Свод законов Российской империи. Том XX. Часть I. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный и пожарный, 1857, с. 62–67].

Дополнительные и уточняющие нормы об устройстве и содержании улиц устанавливались городами индивидуально. Например, в проекте обязательного постановления Суджи, разработанном в 1890 г., жители обязывались для осушения улиц прорывать покатые канавы на расстоянии не менее 2 аршин от своих усадеб, по канавам производить посадку деревьев, осуществлять уборку до середины улицы, а там, где участок выходил на площадь – на 5 сажень от усадьбы, следить за чистотой уличных колодцев⁸⁸. В постановлении того же города от 30 ноября 1905 г. говорилось, что домовладельцы должны были сделать прочный деревянный мостик через канаву для въезда во двор, кровельные водосточные трубы устроить так, чтобы вода стекала в канаву, а устройство перед домом балконов, выходов с высоким крыльцом, «вертелок», зонтиков и палисадников осуществлять с разрешения городской управы, не стесняя прохода по тротуарам и проезда по улицам⁸⁹. Обязательным постановлением, изданным в Старом Осколе в 1879 г., на улицах города, кроме Курской, допускалось устройство палисадников и загородок перед окнами домов на расстоянии не более 2 аршин от фундамента дома⁹⁰. Обширная практика местного регулирования в данной

⁸⁷ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 811. Л. 16, 16 об.

⁸⁸ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 41–42.

⁸⁹ Там же. Д. 12. Л. 1.

⁹⁰ Там же. Д. 2. Л. 289 об.

сфере выработала универсальные правила, которые использовались большинством городов, например, относительно посадки деревьев.

Стоит сказать, что благоустройство городских территорий за счёт средств населения не стало общеобязательной повинностью, а осуществлялось локально, чаще – на центральных улицах, прямо указанных в постановлении. По этой причине к 1910 г. только 23 % совокупной протяженности городских улиц уездных городов Курской губернии (о которых имеются полные данные) было замощено камнем, 55 % – оснащено тротуарами и 24 % – обсажено деревьями (см. таблицу 1).

Таблица 1
 Table 1

Благоустроенность улиц и площадей уездных городов Курской губернии в 1910 г.⁹¹

Landscaping of streets and squares of the county towns of Kursk province in 1910

Город	Количество площадей	Площадь, кв. сажень		Количество улиц	Протяженность, верст			
		общая	мощенных (% от общей)		общая	мощенных (% от общей)	с тротуарами (% от общей)	с деревьями (% от общей)
Белгород	4	30	0	48	10	6,4 (64 %)	0	3 (30 %)
Грайворон	4	51,1	0	22	31	0	0	0
Дмитриев	3	36	0	14	7	2 (29 %)	5 (71 %)	0
Короча	2	28,8	0	22	15,4	н/д	н/д	0
Льгов	3	14,2	0	12	8,5	3,2 (38 %)	8,5 (100 %)	0
Новый Оскол	2	3,6	0	9	4	0	4 (100 %)	н/д
Обоянь	2	н/д*	0	23	12	3,3 (28 %)	3,3 (25 %)	2,1 (18 %)
Путивль	3	25,6	0	40	30	7,9 (26 %)	н/д	28 (93 %)
Рыльск	3	12,3	0	23	н/д	н/д	н/д	0
Старый Оскол	2	97,2	0	24	20	2,5 (13 %)	12 (60 %)	12 (60 %)
Суджа	2	10,8	0,2 (1,9 %)	12	н/д	3,3	3,3	0
Тим	2	14,4	0	11	7	1,3 (19 %)	5,5 (79 %)	5 (71 %)
Фатеж	2	4,8	4,8 (100 %)	13	7	1 (14 %)	1 (14 %)	0
Щигры	4	38,8	0,4 (1 %)	23	10,2	1,7 (17 %)	10,2 (100 %)	4 (39 %)

Примечание: * – нет данных.

Как видно из приведенных данных, органы городского самоуправления редко изыскивали средства, необходимые для мощения площадей, а точечное благоустройство в Судже и Щиграх объясняется решением Сената от 27 июля – 9 декабря 1882 г. № 6176, по которому муниципалитеты обязывались устраивать мостовые на площадях перед городскими строениями и зданиями военного ведомства.

Другим направлением деятельности по развитию городской инфраструктуры являлось формирование транспортной сети. Городовым положением было прямо отнесено к компетенции местного самоуправления, помимо исправного содержания городских дорог, устройство пристаней, переправ, перевозов, железнодорожных и иных усовершенствованных путей [Высочайше утвержденное..., 1870, с. 94], при этом интересы самоуправления и местного сообщества в этом вопросе не ограничивались благоустройством в пределах городской черты.

Органы самоуправления осуществляли регулирование извозного промысла [Терещенко, 2021, с. 36, 37; Сергиенко, 2008] и дорожного движения. Например, в Белгороде

⁹¹ Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 372, 373.

постановлением городской думы от 15 сентября 1908 г. запрещалось ездить «на моторах и прочих экипажах» быстрее 10 верст в час, ограничивалось передвижение по бульварам, садам, в местах скопления народа и по тротуарам, а на велосипедах – по тротуарам мощеных улиц [Курские губернские ведомости, 1908, № 218]. Циркуляр МВД № 12487 от 10 декабря 1875 г. устанавливал требования к проходимости внутренних дорог: уличные постройки, возводимые за пределами усадебных участков, должны были иметь незначительный размер и временный характер, например, подвижные лари или палатки, либо общегородское значение – полицейские будки, отхожие места⁹². Впрочем, подобная практика существовала и ранее, так, 16 июля 1874 г. Губернское по городским делам присутствие, рассмотрев решение Щигровской городской думы о сносе лавки купца 2 гильдии Якова Игнатьевича Голева, находившейся на месте проезда, признала приговор гласных обоснованным и законным⁹³.

На попечение самоуправления находились также малые дороги, проходившие через городские дачи. Содержание участков шоссе, прилегавших к городским домам, по решению гласных могло стать обязанностью местных жителей [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1984, с. 210].

Строительство конно-железных и иных усовершенствованных путей по указу Правительствующего сената № 14551 от 14 апреля 1880 г. в черте городского поселения подчинялось компетенции самоуправления и МВД, однако, если эти пути соприкасались с объектами, находящимися в ведении Министерства путей сообщения, требовалось его предварительное согласие [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1984, с. 212, 213]. В уездных центрах Курской губернии в начале XX века не было создано конных, паровых или электрических городских железных дорог [Города России в 1910 году, 1914, с. 411], однако железнодорожные линии проходили в непосредственной близости от Белгорода, Дмитриева, Льгова, Нового Оскола, Обояни, Рыльска, Суджи и Щигров [Города России в 1910 году, 1914, с. 365]. Подобное соседство имело существенное значение для городской экономики, и органы самоуправления стремились его обеспечить.

В 1906 г. решался вопрос об устройстве Северо-Донецкой железной дороги через Курскую губернию, активными участниками дискуссии о её местоположении стали уездные города. Так, голова Грайворона А.С. Петренко обратился к губернатору с докладной запиской о том, что проведение через местности рельсового пути оказывает благотворное влияние на их экономическую жизнь и «убивает те, которые остаются в стороне», что пока Грайворон по отношению к существовавшим линиям «не стоял в центре равнобедренного треугольника», и каждая из таких линий не подходила к нему ближе, чем на 45 верст, в нем велась успешная торговля хлебом, было развито перевозочное производство, и население имело достаточный заработок, после – вся эта торговля и производство пришли в упадок. Город, имея 3 000 десятин земли, в том числе до 500 десятин заливных лугов, из-за удаления от него рельсовых путей не мог добиться удовлетворения своего ходатайства о постановке в нем войск, а такая стоянка была для него выгодна. Губернатор, разделяя доводы городского головы, ходатайствовал перед правительством и обществом Северо-Донецкой железной дороги о проведении пути через Грайворон. В переписке с министерствами и руководством железной дороги участвовали также Суджа и Мирополье, просившие утвердить участок пути Льгов – Суджа – Мирополье – Грайворон. Переговоры продолжались в течение трех лет, в результате Мирополье и Грайворон остались в стороне, а Суджа 16 апреля 1909 г. получила письмо от общества Северо-Донецкой железной дороги с приложением плана для выбора одного из трех мест удаленной от города станции⁹⁴.

В транспортную сеть городов входили водные объекты: на реках располагались Белгород, Дмитриев, Льгов, Новый Оскол, Обоянь, Путивль, Старый Оскол, Суджа [Города

⁹² Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 158. Оп. 1. Д. 7. Л. 172.

⁹³ ГАКО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 3. Л. 112, 112 об.

⁹⁴ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 14. Л. 50 об., 66, 71–74.

России в 1910 году, 1914, с. 365]. Городскому самоуправлению предоставлялось право разрешать устройство пристаней для швартования судов и выгрузки товаров [Высочайше утвержденное..., 1870, с. 98], переправ и перевозов, регулировать посредством обязательных постановлений порядок их содержания и использования [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 193]. Вместе с тем на городах лежала обязанность по сохранению рек в состоянии, пригодном для судоходства. В 1878 г. Министерство путей сообщения уведомило МВД, что в большинстве городов, расположенных на берегу или вблизи рек и озер, последние служили местом свалки снега, навоза и прочих нечистот, которые при таянии льда опускались на дно, становясь причиной обмеления рек, в особенности на перекатах. В этой связи городские и земские управы обязывались принимать предупредительные меры⁹⁵. Соответствующие запреты встречаются в постановлениях Суджи. Город устанавливал и собственные, дополнительные меры, например, запрещал «прихватывать» берега посредством мусора и искусственно возвышать их, отводить протоки, перегораживать реки вязками, плетнями и другими средствами, препятствующими течению⁹⁶.

Кроме того, водоемы для многих уездных городов являлись источником питьевой воды, поэтому в реках запрещалось мочение кожи и других предметов, производящих их порчу, в Судже при торговых банях на берегах рек и ручьев устраивались сточные ямы и фильтры, очищавшие воду⁹⁷. В Обояни не допускалось в пределах городского поселения и выше по течению реки стирать белье, купаться, купать лошадей, собак и других животных [Кузнецов, 2024, с. 984]. В целом источники водоснабжения являлись элементом городской инфраструктуры и составляли часть коммунальной сферы, попечение о которой осуществляло самоуправление.

Основным источником водоснабжения для уездных городов являлись местные реки и колодцы (см. таблицу 2). Помимо поддержания чистоты природных водоемов посредством упомянутых мер, города занимались организацией водовозного промысла и контролем за его реализацией. Большинство колодцев в пределах поселения, устраиваемых местными жителями, были ключевыми или выкапывались до первого водоносного слоя, находившегося недалеко от поверхности земли. Создание артезианских колодцев требовало привлечения дополнительного финансирования из городского бюджета. Так, 19 августа 1910 г. на заседании городской думы Грайворона управа предложила устроить артезианский колодец на торговой площади. Гласные рассудили, что сначала необходимо определиться со стоимостью работ и финансовыми возможностями города, поэтому только 13 октября 1910 г. было принято положительное решение⁹⁸. Постройка водопровода для большей части уездных городов была непосильным бюджетным бременем, хотя и открывала возможности для получения постоянных доходов за его использование. В числе уездных городов Курской губернии, построивших водопровод до XX в., был Белгород. 28 ноября 1901 г. МВД дало разрешение на устройство по концессионному договору водопровода в Короче⁹⁹, однако к 1910 г., по имеющимся данным, он не функционировал. К тому же подобные договорные отношения городов с предпринимателями имели ряд ограничений. Министерство внутренних дел в циркуляре № 6413 от 1 июня 1873 г. разъяснило, что устройство сооружений для водоснабжения и газоосвещения с исключительным правом доставлять в город воду, освещать улицы и частные дома должно рассматриваться правительством либо предоставлять горожанам право на выбор источников получения данных благ¹⁰⁰.

⁹⁵ ГАТО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 7. Л. 240.

⁹⁶ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 42–43.

⁹⁷ Там же. Л. 42–43.

⁹⁸ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1836. Л. 75 об., 122.

⁹⁹ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1022. Л. 7.

¹⁰⁰ ГАТО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 7. Л. 98, 98 об.

Таблица 2
 Table 2

Элементы коммунальной инфраструктуры уездных городов Курской губернии в 1910 г.¹⁰¹
 Elements of the municipal infrastructure of the county towns of Kursk province in 1910

Город	Уличные фонари, шт.	Водоснабжение, источники	Удаление нечистот, способы	Телефонная сеть, верст / абонентов
Белгород	437	водопровод, колодцы, река	ассенизационный обоз, вывоз	60 / 90
Грайворон	нет данных	колодцы	ассенизационный обоз, вывоз	нет данных / 14
Дмитриев	10	колодцы, река	вывоз	0
Короча	11	колодцы, река	вывоз	317,6 / нет данных
Льгов	8	колодцы, река	вывоз	0
Новый Оскол	18	колодцы, река	вывоз	0
Обоянь	23	река	ассенизационный обоз, вывоз	0
Путивль	39	колодцы, река	ассенизационный обоз, вывоз	0
Рыльск	210	колодцы	ассенизационный обоз	275 / 65
Старый Оскол	15	колодцы, река	вывоз	0
Суджа	16	колодцы, река	ассенизационный обоз	0
Тим	13	колодцы	вывоз	0
Фатеж	90	колодцы	вывоз	0
Щигры	16	колодцы, пруды	вывоз	0

В число задач коммунального благоустройства также входило освещение улиц и домов, организация удаления нечистот, устройство средств коммуникации и городских кладбищ.

Освещение уездных городов было еще одно насущной проблемой местного самоуправления. Газовое освещение частично использовалось в конце XIX в. на улицах и в крупных общественных зданиях Белгорода [Сергиенко, 2011, с. 174]. Электрификация уездных центров началась с Белгорода и Рыльска в 1911 г. [Жигулин, 2016, с. 190]. 17 июня 1911 г. городская дума Старого Оскола постановила начать устройство электрического освещения, а 6 августа 1912 г. проект договора на электрификацию с предпринимателем Файнштейном был утвержден МВД¹⁰². В других уездных центрах губернии этот процесс начался только в 1920-е гг. [Ананьева, 2014, с. 20]. Основным источником уличного освещения были керосиновые фонари, число которых в большинстве уездных городов не достигало 20 единиц. Наиболее благоустроеными в этом отношении являлись Белгород, Рыльск и Фатеж (см. таблицу 2). Повсеместное освещение города было не по карману общественному самоуправлению. Так, 14 февраля 1896 г. гласный Корочанской городской думы дворянин А.З. Попов представил проект освещения городских улиц, который дума признала целесообразным и постановила внести расходы в размере 1 000 руб. в смету на 1897 г.¹⁰³, на эти средства было приобретено 11 фонарей. Доходы города в 1897 г. составили 24 576 руб. 64 коп. [Обзор Курской губернии за 1897 г. Курск, 1898, с. 85], то есть всего бюджета хватило бы на покупку 270 фонарей. В этой связи приобретение и обслуживание каждого фонаря в некоторых городах становились предметом обсуждения органов самоуправления. Например, на заседании Грайворонской городской думы 3 мая 1910 г. управа предложила купить 2 керосинокалильных фонаря «Самосвет». Гласные, обсудив ходатайство, постановили провести совместно с управой ревизию городского освещения, перенести часть фонарей на другие места, в том числе установить 4 простых керосиновых фонаря в Троицком саду, не приобретая новых¹⁰⁴.

¹⁰¹ Города России в 1910 году. СПб, 1914. С. 382, 411.

¹⁰² ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2183. Л. 1, 6, 38.

¹⁰³ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 343. Л. 19, 19 об.

¹⁰⁴ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1836. Л. 43.

В соответствии с Городовым положением гласные определяли порядок утилизации нечистот или удаления их посредством канализации [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 110]. Содержание канализации производилось на городские средства или по соглашению с домовладельцами за счёт целевого сбора. Впрочем, в курских уездных городах очистка отхожих мест и помойных ям производилась исключительно путем вывоза в ящиках, бочках или ассенизационным обозом за пределы городского поселения в места, определяемые городской управой. В обязательных постановлениях этот порядок мог уточняться. Так, в Обояни нечистоты в закупоренных бочках вывозили в ночное время, минуя главные улицы¹⁰⁵.

Необходимым элементом городской инфраструктуры являлись кладбища. Высочайше утвержденным 27 ноября 1889 г. мнением Государственного совета устройство городских кладбищ допускалось на расстоянии не менее 100 саженей от ближайшего дома [Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1890, № 2, Ст. 8]. Кладбище, организованное на городской земле, не переставало быть собственностью города, но переходило в ведение духовного начальства, которое осуществляло обязанности по поддержанию чистоты и порядка на территории, а также по приданью умерших земле [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 21, 22]. В начале XX в. в Тиме и Новом Осколе было по 1 кладбищу, в Белгороде, Грайвороне, Короче, Старом Осколе, Судже, Фатеже, Щиграх – 2, в Дмитриеве, Льгове и Обояни – 3, в Путивле – 4, в Рыльске – 5 [Города России в 1910 году, 1914, с. 437]. Помимо учреждения новых, города расширяли действующие кладбища. Так, 19 марта 1910 г. в Грайвороне гласные постановили прирезать к старому городскому кладбищу часть земли, освободившейся от аренды, на которой находился кирпичный завод Л.И. Сурина¹⁰⁶.

Новациям для некоторых уездных центров стали телефонные сети. К 1910 г. в 4 городах появились телефонные аппараты, однако количество абонентов было незначительным: от 14 – в Грайвороне, до 90 – в Белгороде (см. таблицу 2).

Коммунальное благоустройство являлось важным направлением обеспечения комфорtnой жизни горожан, к тому же эта функция самоуправления была тесно связана с поддержанием удовлетворительного санитарного состояния в поселениях и противоэпидемической деятельностью. Ключевым условием эффективного развития коммунальной инфраструктуры городов являлись их бюджетные возможности [Сидоров, 2009, с. 18; Сидоров, 2009, с. 341; Ананьева, 2017, с. 9; Щербаков, 2020, с. 81], по этой причине среди всех курских уездных центров частично Белгород и в меньшей мере Рыльск могли предложить горожанам блага, имевшиеся в губернском центре. Прочие города развивались в данном направлении по мере своих скромных возможностей.

Введение Городового положения открыло самоуправлению возможность изменения действовавших и создания новых планов городов, для уездных – в упрощенном порядке, по определению думы, утвержденному губернатором [Высочайше утвержденное..., 1870, с. 97]. При этом на основании Устава строительного составление проектов планов для городов было возложено на строительные отделения губернских правлений, которое осуществлялось в соответствии со специальной инструкцией, изданной Техническо-строительным комитетом МВД. Отношения Хозяйственного департамента МВД от 29 и 30 апреля и 3 мая 1871 г., подводя организационный итог, разъяснили порядок, по которому губернскоеправление составляло план города и передавало его на обсуждение в местную думу. Так, после реформы 1870 г. курское губернское строительное отделение произвело снятие с натуры планов Фатежа, Обояни, Белгорода, Щигров, Нового Оскола, Рыльска, Путивля, Корочи, Льгова, Дмитриева и Суджи, привело в соответствие с нормами и 5 июня 1874 г. направило на места для рассмотрения городскими думами¹⁰⁷. Таким образом, реальные полномочия по

¹⁰⁵ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2210. Л. 65–66 об.

¹⁰⁶ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1836. Л. 22 об.

¹⁰⁷ ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

составлению новых планов городов остались вне компетенции самоуправления, а фактические возможности ограничивались дополнением действующих и корректировкой новых планов. В подтверждение этого 5 августа 1875 г. в губернии был направлен циркуляр МВД № 8452, который требовал от городов разъяснить причины переутверждения планов необходимостью нового планирования кварталов и улиц, которое осуществляло бы губернское правление, или же назначением отдельных мест для строительства новых зданий по решению самоуправления¹⁰⁸.

Утверждение планов новых зданий и выдача разрешений на строительство предоставлялось городской управе, на которую при содействии полиции также возлагалось наблюдение за верным техническим исполнением строительных работ [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 159, 160]. Успешное согласование нового здания или переустройства старого на городской или частной земле в пределах поселения зависело от его назначения, габаритов участка, материалов, используемых при строительстве, и экстерьера.

Планирование расположения заведений в зависимости от функционального назначения являлось наиболее сложным в организационном аспекте вопросом. По этому поводу действовали нормы относительно промышленных заведений, церквей, кузниц, бани, трактирных заведений и т. д. Так, органы самоуправления давали разрешение на открытие только тех фабрик и заводов, которые были безвредны для городских жителей. Перечень промышленных заведений, разрешение которых выходило из компетенции самоуправления, ежегодно уточнялся МВД и Министерством финансов, публиковался и рассыпался в губернии. Первый циркуляр МВД по этому вопросу был направлен на места 16 января 1871 г.¹⁰⁹ Устав строительный запрещал устройство вредных фабрик и заводов выше городов по течению рек и притоков [Свод законов Российской империи. Том XX. Часть I. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный и пожарный, 1857, с. 95]. Дополнительно меры предпринимались и самоуправлением, поэтому даже разрешенные к устройству в городе, но опасные в санитарном отношении и распространяющие смрад скотобойни обычно открывались за пределами городской черты. Например, в 1893 г. Суджа устроила общественную скотобойню за городом при слободе Гончарной, купив усадьбу у купца Ф.М. Тахтамирова¹¹⁰.

Многие ограничения на расположение зданий устанавливал Устав пожарный: запрещалось открывать кузницы в центре города; склады легковоспламеняемых веществ и материалов допускались только в указанных законом местах; не разрешалось возводить постройки на дворовых участках, имевших протяженность по улице менее 10 саженей¹¹¹. Относительно последней нормы города могли утвердить иной порядок в обязательном постановлении, так, в Рыльске в 1877 г. дума определила разрешать застройку маломерных участков по результатам рассмотрения ходатайств горожан¹¹². Бани предписывалось устраивать по возможности вблизи воды и отдельно от прочих зданий; постоянные дворы в центре города и «скученных местах» открывать только при соблюдении дополнительных противопожарных мер [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 204, 214].

Положение о трактирном промысле и Устав питейный предоставляли органам городского самоуправления право определять места, где заведения соответствующего профиля не должны были открываться [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 632, 649]. Например, в обязательном постановлении Старого Оскола от 15 декабря 1894 г. заведения трактирного промысла с продажей крепких напитков запрещались на некоторых участках Набережной улицы по реке Оскол¹¹³.

¹⁰⁸ ГАТО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 7. Л. 163.

¹⁰⁹ Там же. Л. 88.

¹¹⁰ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 113.

¹¹¹ Там же. Л. 152–159.

¹¹² ГАКО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 7. Л. 22–23.

¹¹³ ГАКО. Ф. 377. Оп. 1. Д. 2. Л. 299 об., 300.

Разрешение на открытие в городе ряда заведений вообще не входило в компетенцию самоуправления. Например, строительство церквей и часовен относилось к ведению духовной консистории [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 165]. Не имея систематизированного источника информации по данному предмету, города по ошибке могли выходить за пределы полномочий и уточняли свои права в разъяснениях губернского правления. В этой связи 31 марта 1879 г. Губернское по городским дела присутствие отменило постановление городской думы Старого Оскола от 12 марта 1879 г., в котором гласные разрешили открыть местным собственникам дома терпимости на Погостинской и Мясницкой улицах¹¹⁴.

Напротив, устройство объектов культурно-досугового характера: театров, библиотек, музеев, садов и других – являлось прямо предусмотренным Городовым положением направлением городского хозяйствования и допускалось по усмотрению самоуправления повсеместно. Однако эта сфера развивалась неактивно. Библиотеки и читальни учреждались в контексте совместной образовательной политики государства, земств, церкви и городов при учебных заведениях или для их обеспечения, поэтому были распространены. По-другому организовать свой досуг, отвлеквшись от книг, жители уездных центров Курской губернии могли, прогуливаясь в городском саду, а в Белгороде, Грайвороне и Путивле – посещая театры и музеи (см. таблицу 3).

Таблица 3
Table 3

Культурно-досуговые заведения уездных городов Курской губернии в 1910 г.¹¹⁵
Cultural and leisure establishments of the county towns of Kursk province in 1910

Город	Библиотеки	Читальни	Библиотеки-читальни	Театры постоянные	Театры временные	Клубные и иные сцены	Народные дома	Музеи	Сады
Белгород	1				2	1		1	
Грайворон	1		1	1		1		1	2
Дмитриев						1			2
Короча	4	2	2			1			1
Льгов	2		1				1		2
Новый Оскол		1							2
Обоянь						1			1
Путивль	1				1				1
Рыльск	1		1			1			1
Старый Оскол	3					2			1
Суджа	1		1						1
Тим	1		1						1
Фатеж			1						1
Щигры			1						1

Отдельное внимание уделялось экстерьеру городских зданий и материалам, используемым при строительстве. По общему правилу полномочия утверждать фасады, устройство или переустройство зданий принадлежали управам, однако в поселениях, где до введения Городового положения существовали должности городских архитекторов или таковые были учреждены по решению городских дум после 1870 г., права в данной сфере предоставлялись также последним [Высочайше утвержденное..., 1870, с. 97, 98].

¹¹⁴ ГАКО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 8. Л. 57.

¹¹⁵ Города России в 1910 году. СПб, 1914. С. 373, 451, 457.

По разъяснениям МВД от 27 ноября 1871 г. и 4 октября 1873 г., городские архитекторы относились к числу должностных лиц городского самоуправления, их выборы и определение размера содержания предоставлялись городским думам с условием, что избранные лица имели аттестат на производство работ и на занятие должностей по техническо-строительной части и были представлены в МВД для внесения в приказы [Городовое положение 11 июня 1892 года..., 1894, с. 189].

Устав строительный определял общие правила внешнего оформления зданий. Требования относительно фасадов, высоты крыш и других архитектурных наружных стандартов не распространялись на заводские и фабричные заведения [Свод законов Российской империи. Том XX. Часть I..., с. 96]. Дополнительные требования к опрятному внешнему виду городских строений могли устанавливать думы. Например, в Обояни с 1901 г. домовладельцы обязывались выставлять на воротах своих усадеб таблицы с номерами домов [Курские губернские ведомости, 1901, № 62]. Обязательными постановлениями, изданными в Льгове и Белгороде в 1907 г., расклеивать объявления и афиши запрещалось на домах, заборах, фонарных столбах и вообще где бы то ни было, кроме специально оборудованных витрин¹¹⁶.

Технологии городского строительства были связаны с обеспечением комплекса противопожарных мер: строения предписывалось возводить на возможном удалении друг от друга; подробно регламентировался порядок устройства печей, печных труб, лестниц и крыш [Свод законов Российской империи. Том XX. Часть I..., с. 87–89]. Вопрос покрытия частных домов был наиболее проблемным. Устав строительный предлагал использовать для этих целей железо, черепицу, тес, гонт и полированный войлок, произведённый на фабрике флигель-адъютанта Глазенапа. Однако не все домовладельцы имели возможность приобрести разрешенные материалы, поэтому в нарушение требований иногда использовались традиционные для многих поселений солома и камыш. В этой связи, предостерегая возможные несчастья, органы самоуправления по согласованию с губернским начальством шли на допустимые компромиссы. Так, 15 февраля 1872 г. городская дума Старого Оскола разрешила обывателям крыть дома соломой с глиной, кроме строений на Курской улице, при этом соломенные и камышовые крыши без добавления глины были запрещены повсеместно¹¹⁷. Данную технологию разрешено было применять и бедным жителям Грайворона, если их дома были удалены от торговых площадей.

Таким образом, производство любых строительных работ требовало согласования с городским самоуправлением. Исключение составляли только «мелочные починки и поправки», разъясненные циркуляром МВД № 4058 от 21 апреля 1876 г.: замена отдельных железных или полевых листов на крыше, досок, гонтина или драны, досок из обшивки стен, стекол, оконных переплетов и дверных полотен, перекладка дымовых труб, штукатурка, покраска, а также все внутренние исправления, производимые без изменения внешнего вида¹¹⁸.

Заключение

Деятельность органов самоуправления курских уездных городов по формированию и содержанию материальной базы городского хозяйства являлась важной задачей, ориентированной на создание комфортной и безопасной для проживания среды; представляла многогранное и сложное в организационно-правовом вопросе направление, постоянно находившееся в сфере активного обсуждения не только на местах, но и в центральных органах государственного управления. Вместе с тем характерными тенденциями для большинства уездных центров были: точечное благоустройство городских территорий за счёт средств домовладельцев и отставание от губернского центра в эволюции коммунально-бытовой сети

¹¹⁶ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1493. Л. 56, 76.

¹¹⁷ ГАКО. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 2. Л. 306, 306 об.

¹¹⁸ ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 1. Л. 54, 54 об.

и культурно-досуговой среды. Это обосновывалось слабым экономическим потенциалом городов. В некоторых случаях развитие торговли и промыслов на местах останавливало удаленность от внешних транспортных путей, с которыми самостоятельно обеспечить связь города не могли.

Таким образом, деятельность уездных центров по развитию городской инфраструктуры можно считать в большей мере организационной. Города адаптировали механизмы содержания городского хозяйства в соответствии со своими возможностями, законодательными требованиями и общественными нуждами, вырабатывая правила, приемлемые в существовавших условиях.

Список источников

- Высочайше утвержденное 16 июня 1870 года Городовое положение с объяснениями. СПб., 1870. [2], 241 с.
- Города России в 1910 году. СПб, 1914. 1200 с.
- Городовое положение 11 июня 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственные разъяснениями. СПб., 1894. XVI, 816 с.
- Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1589. Курское губернское по городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 2.
- ГАКО. Ф. 1589. Курское губернское по городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 3.
- ГАКО. Ф. 1589. Курское губернское по городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 6.
- ГАКО. Ф. 1589. Курское губернское по городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 7.
- ГАКО. Ф. 1589. Курское губернское по городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 8.
- ГАКО. Ф. 228. Обоянская городская дума. Оп. 1. Д. 802.
- ГАКО. Ф. 228. Обоянская городская дума. Оп. 1. Д. 811.
- ГАКО. Ф. 302. Рыльская городская управа. Оп. 1. Д. 1.
- ГАКО. Ф. 377. Суджанское городское общественное управление. Оп. 1. Д. 12.
- ГАКО. Ф. 377. Суджанское городское общественное управление. Оп. 1. Д. 14.
- ГАКО. Ф. 377. Суджанское городское общественное управление. Оп. 1. Д. 2.
- ГАКО. Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 1022.
- ГАКО. Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 1836.
- ГАКО. Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 2183.
- ГАКО. Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 2210.
- ГАКО. Ф. 54. Курское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 343.
- Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 158. Козловская городская управа. Оп. 1. Д. 7.
- Курские губернские ведомости. 1901. № 62.
- Курские губернские ведомости. 1908. № 218.
- Обзор Курской губернии за 1897 г. Курск, 1898. 109, [112] с.
- Правительственный вестник. 1871. № 133.
- Свод законов Российской империи. Том XX. Часть I. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный и пожарный. СПб, 1857. [4], 231, 88, 39, 172, 41 с.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1890. № 2. Ст. 8.

Список литературы

- Ананьева Г.В. 2017. Исторический аспект состояния коммунального хозяйства Курской губернии в конце XIX начале XX вв. *Innova*. 2(7): 6–11.
- Ананьева Г.В. 2014. Коммунальное хозяйство Курской губернии в 1921–1924 гг.: вопрос электрификации. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 11–2(49): 19–21.
- Жигулев Е.П. 2016. Особенности начального периода электрификации Курской губернии (1898–1928 годы). *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 3(20): 188–194.
- Кузнецов В.В. 2024. Противоэпидемическая деятельность органов городского самоуправления в уездных городах Курской губернии в конце XIX – начале XX в. *Via in Tempore. История. Политология*. 4: 980–992.

- Сергиенко М.А. 2008. Городское самоуправление провинциальной России в конце XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 199.
- Сергиенко М.А. 2011. Влияние органов общественного управления Курской губернии на структуру городской повседневности в конце XIX – начале XX вв. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика*. 7(102): 168–176.
- Сидоров А.Д. 2009. Городское хозяйство российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 27.
- Сидоров А.Д. 2009. Развитие хозяйства городов российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Курской губернии). *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 11(79): 338–343.
- Терещенко А.А. 2021. Логистическая составляющая в хозяйственной инфраструктуре городов Курской губернии во второй половине XIX века. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 4(60): 35–40.
- Щербаков С.В., Усатов С.А. 2020. Деятельность самоуправления по решению вопросов местного значения (по Городовому положению 1870 года). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 1: 79–87.

References

- Ananyeva G.V. 2017. Istoricheskij aspekt sostoyaniya kommunal'nogo hozyajstva Kurskoj gubernii v konce XIX nachale XX vv. [The Historical Aspect of the State of Public Utilities in Kursk Province in the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Innova*. 2(7): 6–11.
- Ananyeva G.V. 2014. Kommunal'noe hozyajstvo Kurskoj gubernii v 1921–1924 gg.: vopros elektrifikacii [Public Utilities of Kursk Province in 1921–1924: the Issue of Electrification]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice]. 11–2(49): 19–21.
- Zhigulin E.P. 2016. Osobennosti nachal'nogo perioda elektrifikacii Kurskoj gubernii (1898–1928 gody) [Features of the Initial Period of Electrification of Kursk Province (1898–1928)]. *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istochnika i pravo* [Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law]. 3(20): 188–194.
- Kuznetsov V.V. 2024. Protivoepidemicheskaya deyatel'nost' organov gorodskogo samoupravleniya v uezdnyh gorodah Kurskoj gubernii v konce XIX – nachale XX v. [Anti-Epidemic Activities of City Self-Government Bodies in the County Towns of Kursk Province in the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Via in Tempore. Istochnika. Politologiya* [Via in Tempore. History and Political Science]. 4: 980–992.
- Sergienko M.A. 2008. Gorodskoe samoupravlenie provincial'noj Rossii v konce XIX – nachale XX vv. (na primere Kurskoj gubernii) [Urban Self-Government of Provincial Russia in the Late XIX – Early XX Centuries (On the Example of Kursk Province)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 199.
- Sergienko M.A. 2011. Vliyanie organov obshchestvennogo upravleniya Kurskoj gubernii na strukturu gorodskoj povsednevnosti v konce XIX – nachale XX vv. [The Influence of the Kursk Governorate's Public Administration Bodies on the Structure of Urban Daily Life in the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Economics. Computer Science]. 7(102): 168–176.
- Sidorov A.D. 2009. The Urban Economy of the Russian Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Using the Example of Kursk Province). Aftoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kursk, 27 (in Russian).
- Sidorov A.D. 2009. Razvitie hozyajstva gorodov rossijskoj provincii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na primere Kurskoj gubernii) [The Development of the Economy of the Cities of the Russian Province in the Second Half of the XIX – Early XX Century (Using the Example of Kursk Province)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities]. 11(79): 338–343.
- Tereshchenko A.A. 2021. Logisticheskaya sostavlyayushchaya v hozyajstvennoj infrastrukture gorodov Kurskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX veka [The Logistical Component in The Economic Infrastructure of the Cities of Kursk Province in the Second Half of the 19th Century]. *Uchenye zapiski*.

Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University]. 4(60): 35–40.

Shcherbakov S.V., Usatov S.A. 2020. Deyatel'nost' samoupravleniya po resheniyu voprosov mestnogo znacheniya (po Gorodovomu polozheniyu 1870 goda) [The Activity of Self-Government in Resolving Issues of Local Importance (According to the City Regulations of 1870)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence]*. 1: 79–87.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.03.2025

Received 21.03.2025

Поступила после рецензирования 05.05.2025

Revised 05.05.2025

Принята к публикации 07.05.2025

Accepted 07.05.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Вадим Вадимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин, Воронежский институт Министерства внутренних дел России, г. Воронеж, Россия

 [ORCID: 0009-0003-6045-0310](#)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Kuznetsov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Social, Humanitarian, Economic and Legal Disciplines Department, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Voronezh, Russia